

IV.

Религіозна реформа.

Историки называютъ соборъ 1551 года Стоглавымъ. Такое имя онъ получилъ въ зависимости отъ совершенно произвольнаго раздѣленія его протоколовъ на 100 особыхъ главъ. Такой пріемъ былъ, вообще, въ ходу въ то время. Какъ обыкновенно, въ соборѣ участвовали митрополитъ, архієпископы Новгородскій и Ростовскій, а также большое число епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ. Мірской элементъ былъ представленъ на немъ высшими придворными чинами и боярской думой въ полномъ составѣ. Конечно, Иванъ не преминулъ произвести и на этомъ соборѣ рѣчь. Здѣсь были—и покаяніе въ грѣхахъ, и обращеніе къ молитвамъ и къ мудрости присутствующихъ... Словомъ—всѣ эффекты риторики. Какъ всегда, Иванъ заботился о должной *mise en scène*. Затѣмъ соборъ занялся разсмотрѣніемъ новаго закона.

Конечно, онъ былъ утвержденъ. Въ сущности, все это было простой формальностью. Если даже и возникали какія-нибудь пренія по поводу новыхъ законовъ, то они уже давнымъ давно были исчерпаны въ совѣщаніяхъ царя и его сотрудниковъ—мірянъ, которые одни только интересовались этими вопросами. Теперешній соборъ воплощалъ въ своемъ лицѣ верховный нравственный авторитетъ всего государства; Ивану нужно было одно: чтобы это собраніе дало санкцію уже совершеннымъ или только обѣщаннымъ преобразованиямъ. То было обычнымъ приемомъ и вмѣстѣ характеристикѣйшей чертой русской политики, постоянно игравшей парламентарными формами. Впрочемъ, кстати, царь рѣшилъ воспользоваться сотрудничествомъ собора и для обсужденія нѣкоторыхъ законопроектовъ, для которыхъ ему нужны были не только согласіе, но и дѣйствительныя познанія собравшихся. Между тѣмъ, правительство предполагало запретить мѣстническіе счета въ военное время; далѣе, оно намѣрено было произвести общій пересмотръ пожалованныхъ помѣстій, съ цѣлью установить должное соотвѣтствіе между размѣрами земельных участковъ и служебными повинностями; затѣмъ, оно желало внести большую опредѣленность въ раскладку государственныхъ налоговъ, принявъ рядъ мѣръ противъ постоянного передвиженія тяглыхъ элементовъ съ мѣста на мѣсто. Наконецъ, предполагалось—уничтожить кабаки, надѣлить землею вдовъ и осиротѣвшихъ дочерей боярскихъ и произвести перепись земель.

Отъ законодателей того времени нечего ждать ни ясности, ни послѣдовательности плана. Ихъ работа полна загадокъ и случайностей. Однако соборъ все же постарался выполнить предложенную задачу. Конечно, было не легко найти средства для борьбы съ вѣчными передвиженіями тяглыхъ элементовъ; поэтому соборъ и не указываетъ никакой подходящей мѣры. Проектъ уничтожить кабаки возникъ въ зависимости отъ религіозныхъ вліяній; но онъ шелъ въ разрѣзъ съ интересами фиска; поэтому, и онъ остался въ области пожеланій. Что касается мѣстничества, то соборъ постановилъ—запретить его счета въ военное время. Перепись и ревизію жалованныхъ земель было рѣшено произвести безотлагательно; наконецъ, было положено надѣлять вдовъ и осиротѣвшихъ дочерей боярскихъ землею для временнаго пользованія: вступая въ замужество или постригаясь въ монашество тѣ и другія лишались права на свои участки. Впрочемъ, все это явилось лишь добавленіемъ къ собственной программѣ собора;

вотъ почему ни въ одной изъ «ста главъ» его мы не найдемъ никакого слѣда этихъ рѣшеній. На соборѣ 1551 года Церковь занимала преобладающее мѣсто; естественно, что умы были заняты иными, не мірскими вопросами. Правда, планъ Ивашки Пересвѣтова былъ отвергнутъ, по крайней мѣрѣ, сведенъ къ такому минимуму, въ которомъ его трудно было и узнать. Однако вопросы, выдвинутые Валаамскими чудотворцами, продолжали стоять на очереди. То, чего требовали *нестязистами*, все еще не сошло со сцены.

Въ этомъ направленіи Иванъ обнаружилъ первоначально, какъ будто, нѣсколько больше настойчивости и инициативы. Несомнѣнно, онъ находился подъ вліяніемъ Нила Сорскаго. Отъявленному противнику осифлянъ, Артемію, скоро затѣмъ назначенному Троицкимъ игуменомъ, было поручено представить государю особый докладъ; здѣсь совершенно опредѣленно говорилось о секуляризаціи монастырскихъ земель. До насъ дошло одно изъ писемъ этого Артемія: оно достаточно ясно свидѣтельствуетъ о его планахъ. Въ числѣ участниковъ собора мы видимъ далѣе епископа рязанскаго, Касіана: какъ думаютъ, онъ былъ авторомъ сочиненія, въ которомъ растлѣніе умовъ и нравовъ въ средѣ духовенства изображалось безпощадно рѣзкими чертами. Конечно, русское государство было еще обособлено отъ Запада; тѣмъ не менѣе, и оно не осталось вполне чуждо новымъ вліяніямъ, которыя производили въ то время цѣлый переворотъ въ Европѣ. Однако, митрополитъ Макарій оказался достойнымъ дѣтищемъ своей alma mater—Волоколамской обители: онъ самымъ энергическимъ образомъ высказался противъ радикальных мѣръ. До насъ дошло его знаменитое посланіе, явившееся, быть можетъ, отвѣтомъ на какой-нибудь законодательный проэктъ молодого царя; ссылаясь на греческихъ литераторовъ, русскихъ государей и даже татарскихъ хановъ, Макарій доказываетъ здѣсь, что всѣ они уважали собственность Церкви. Вообще осифляне составляли подавляющее большинство на соборѣ. Поэтому и здѣсь Ивану пришлось итти на уступки. Волей-неволей онъ согласился смягчить остроту очереднаго вопроса и, на первыхъ порахъ, ограничился укориженнымъ указаніемъ собору на непорядки въ завѣдываніи монастырскими имуществами, а также на чрезмѣрную алчность чернаго духовенства.

Въ теоріи, соборъ высказался за прекращеніе подобныхъ злоупотребленій. Затѣмъ,—правда послѣ упорной борьбы, онъ постановилъ принять нѣкоторыя практическія мѣры. Прежде всего, было поло-

жено—возвратить государству боярскія вотчины, отданныя монастырямъ «безъ государева доклада»; та же самая мѣра распространялась и на всякія другія земли, столь же неправильно присвоенныя Церковью. Далѣе, рѣшено было возвратить государству всѣ «милостыни и руги», полученныя Церковью въ малолѣтство Ивана. На будущее время было запрещено монастырямъ покупать старыя княжескія вотчины; одновременно съ этимъ все духовенство лишалось права покупать всякія вотчины безъ разрѣшенія государя. Члены собора указывали, что Церковь уже несетъ нѣкоторыя важныя повинности. Они напоминали, что она выставяетъ ратныхъ людей на службу, и въ нѣкоторыхъ городахъ участвуетъ въ расходахъ по содержанію укрѣпленій. Однако на соборѣ 1551 года, Церкви пришлось принять на себя нѣкоторыя новыя повинности. Такъ, напримѣръ, она принуждена была своими средствами содѣйствовать «окупѣ» плѣнныхъ «изъ бусурманскихъ рукъ». За первыми уступками со стороны Церкви должны были неизбѣжно послѣдовать и другія. Въ 1573 году, по приказу царя, освященный соборъ приговорилъ: «въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впередъ вотчинъ не давать». Далѣе, въ 1580 году, на будущее время соборомъ было запрещено и черному и бѣлому духовенству пріобрѣтать какія бы то ни было земли—какъ въ качествѣ дара, такъ и покупкою за деньги.

Такимъ образомъ, былъ положенъ предѣлъ непрерывному росту церковнаго землевладѣнія.

Въ томъ же, 1551 году, Иванъ рѣшилъ еще смѣлѣе пойти навстрѣчу передовымъ теченіямъ своего времени,—но уже въ другой области. Эти намѣренія царя обнаружили въ цѣломъ рядѣ запросовъ, съ которыми обратился онъ къ засѣдавшему собору. Тонъ этихъ запросовъ былъ чрезвычайно горячъ и рѣзокъ. При чтеніи ихъ кажется, порою, что передъ вами знаменитая Blackbook 1534 года или же не менѣе суровый обвинительный актъ, составленный соратниками Томаса Кромвеля противъ сомнительной нравственности монаховъ, противъ ихъ жестокости и грубости. Иногда укоризны Ивана напоминаютъ собою тѣ скандальныя рассказы, которыми Лэйтонъ когда-то оживлялъ свою корреспонденцію. Любопытно, что въ составъ Стоглава, какъ литературнаго памятника, вошли и эти, порою обидные, вопросы царя, и отвѣты собора и, наконецъ, дополнительные замѣчанія Ивана. Этому матеріалу принадлежитъ значительная часть памятника. Порою передъ читателемъ развивается удивительно забавный діалогъ.

Ясно видно, что на первых порах соборъ старался избѣгнуть об-сужденія щекотливаго вопроса. Первые 40 главъ представляютъ со-бою рядъ нескромныхъ вопросовъ царя, идущихъ непрерывной чере-дою. Затѣмъ слѣдуетъ общій отвѣтъ собора. Однако, онъ не предста-вляетъ собою ничего цѣльнаго. Мы прекрасно замѣчаемъ, что соборъ старается затемнить дѣло всяческими отступленіями или ищетъ себѣ защиты на зыбкой почвѣ намѣренно создаваемыхъ *qui pro quo*. Иванъ съ большою настойчивостію указываетъ на дурное пользованіе мо-настырскими богатствами: соборъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ упрека и въ отвѣтъ выдвигаетъ цѣлый рядъ богослужебныхъ вопро-совъ. Вполнѣ возможно, что теперешняя редакція Стоглава въ точно-сти соответствуетъ порядку и характеру происходившихъ преній. Начиная съ 41 главы, дѣло принимаетъ иной оборотъ: можетъ быть, самъ царь призналъ необходимымъ измѣнить нѣсколько планъ об-сужденія вопросовъ. Теперь вопросы и отвѣты слѣдуютъ другъ за другомъ въ правильной очереди, хотя, конечно, духовные отцы все еще стараются увернуться и избѣгнуть слишкомъ опредѣленныхъ рѣшеній. Порою уже затронутыя темы вновь ставятся на обсужденіе: но дѣло отъ этого не выигрываетъ нисколько. Рѣчь идетъ, напримѣръ, о нравственной распушенности духовенства. Соборъ, конечно, не безъ язвительнаго лукавства распространяется въ жалобахъ по поводу грѣха содомскаго, растущаго среди мірянъ; затѣмъ съ самымъ серьез-нымъ видомъ, онъ переходитъ къ неожиданному вопросу аскетиче-ской морали. Если какая-нибудь монахиня заболѣла—глубокомыс-ленно спрашиваютъ себя святые отцы—можетъ ли она исповѣдаться у кого-нибудь изъ благаго духовенства? Иногда діалогъ настолько оживляется, что принимаетъ бранчивый тонъ и даже переходитъ на личную почву. Иванъ указываетъ на нѣкоторые недостатки въ ико-нописи. Соборъ отвѣчаетъ: а что дѣлается въ Кремлѣ? Дѣло идетъ о знаменитой иконѣ, написанной Рублевымъ въ XV вѣкѣ: недавно она была замѣнена новымъ образомъ нѣсколько сомнительнаго правосла-вія. Такимъ образомъ, благодаря всѣмъ этимъ уверткамъ и отклоне-ніямъ, общая идея церковнаго преобразованія какъ бы теряется, разпыляется: ей никакъ не удастся облечься въ конкретную форму. Мы видимъ только частичныя улучшенія. Сюда относится учрежденіе поповскихъ старостъ и десятниковъ, обязанныхъ наблюдать за нравственностію духовенства. Далѣе—въ монастыряхъ предписывается строго соблюдать обособленность обоихъ половъ; вмѣстѣ съ тѣмъ,

подчеркивается необходимость болѣе точнаго соблюденія общежительныхъ правилъ. Все это было принято въ принципѣ, но, на практикѣ этимъ улучшеніемъ суждено было остаться мертвой буквой. Соборъ былъ вынужденъ признать наличность извѣстныхъ безпорядковъ, которые порочили русскую Церковь и даже угрожали ей будущему. Онъ не скрывалъ отъ себя, что главной причиной этихъ неустройствъ является невѣжество, въ которомъ коснѣло, какъ бѣлое, такъ и черное духовенство. Для борьбы съ этимъ зломъ соборъ рѣшилъ создать возможно больше школъ, гдѣ могли бы получать свое образованіе будущіе священники. Но и здѣсь онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы обезпечить выполненіе своего плана. Соборъ воображалъ—искренне или лицемерно,—что для этой цѣли можно будетъ воспользоваться усердіемъ и самоотверженіемъ бѣдныхъ поповъ. Между тѣмъ, въ своемъ большинствѣ, эти попы жили чуть не милостыней. Что касается богатыхъ епископовъ и архимандритовъ, то и они сами были недостаточно образованы. Они отказывались отъ всякаго содѣйствія намѣченному мѣропріятію и, конечно, никакъ не хотѣли признать, что въ данномъ дѣлѣ надо было начинать, именно, съ начала. Это значило, что прежде всего нужно было поднять умственный уровень высшаго духовенства. Замѣчательно, между прочимъ, что въ выборѣ и толкованіи текстовъ самъ Макарій дѣлалъ порою самыя грубыя ошибки.

Быть можетъ, подъ вліяніемъ Максима Грека соборъ занялся вопросомъ объ искаженіяхъ священныхъ книгъ и постановилъ открыть въ Москвѣ типографію. Эта типографія должна была перепечатывать эти книги, исправляя ихъ согласно наиболѣе точнымъ образцамъ. Но—увы! Эта первая русская печатня, какъ мы уже знаемъ, подверглась нападенію черни и, такимъ образомъ, просуществовала слишкомъ недолго. Зато болѣе прочнымъ оказалось другое постановленіе собора. Мы говоримъ объ осужденіи нѣкоторыхъ книгъ, которыя были признаны соборомъ за нечестивыя и еретическія. Однако, что же то были за книги? Увы—*Secreta secretorum*, этотъ сборникъ средневѣковой мудрости! Стоглавый соборъ называлъ его *Аристотелемъ*, очевидно, приписывая его греческому философу. Далѣе, сюда же относятся астрономическія картины *Эммануила Бенъ Якоба*: въ постановленіяхъ собора онѣ называются *Шестокрыломъ*. Но вѣдь здѣсь была, можно сказать, вся свѣтская литература той эпохи! Съ другой стороны, очевидно, соблюдая свое внѣшнее достоинство, соборъ рѣшилъ отвѣтить на обвиненія въ безирравственности. Для этого, идя навстрѣчу аскети-

ческимъ стремленіямъ времени, онъ, тономъ самаго строгаго ригоризма, вновь подтвердилъ суровое осужденіе Церковью всякихъ мірскихъ удовольствій.

Между прочимъ, новое законодательство проектировало нѣкоторое подобіе церковно-административной реформы, основывая ее на началахъ самоуправленія. До той поры церковный судъ, по порученію владыкъ, вершили ихъ уполномоченные—бояре, дворецкіе, десятичники. Подобная организація суда вызывала постоянныя жалобы. Объ упраздненіи этихъ должностей нечего было и помышлять: вѣдь онѣ существовали «еще при святыхъ отцахъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ!» Тогда было рѣшено дать священникамъ право имѣть своихъ представителей на судѣ: такими представителями должны были явиться выборные поповскіе старосты и десятскіе. Впрочемъ, соборъ не потрудился точно опредѣлить роль этихъ выборныхъ лицъ.

Мы видимъ, каковы были слабыя стороны и недостатки церковной реформы 1551 года. Несмотря на все это, она, по-моему, не заслуживаетъ того пренебрежительнаго отношенія, какое установилось къ ней въ наше время. Самая анааема, постигшая ее позднѣе, на соборѣ 1667 года, достаточно ясно свидѣтельствуетъ, какія цѣли преслѣдовала эта, сравнительно, смѣлая попытка. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ передъ собою общество, почти совершенно невѣжественное и даже развращенное; оно вполне чуждо всякимъ идеаламъ и живетъ самыми грубыми инстинктами. И, вдругъ, въ этой темной средѣ, появляется кучка людей, которые добиваются кое-чего положительнаго и требуютъ еще гораздо большаго. Развѣ этого недостаточно, чтобы отнестись къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ и даже съ уваженіемъ? Нѣкоторые историки преуменьшали, даже совсѣмъ отрицали личныя заслуги Ивана въ этомъ дѣлѣ. Говорили, что все оно создано Сильвестромъ или Адашевымъ, Максимомъ Грекомъ или Макаріемъ. Утверждали даже, что знаменитые вопросы, послужившіе основаніемъ для соборныхъ рѣшеній, были внушены Ивану и даже проредактированы этими лицами. Безспорно, молодой царь ни проводилъ, ни обдумывалъ реформы въ полномъ одиночествѣ. Во время занятій собора, первыя рѣшенія его были отсланы въ Сергіево-Троицкій монастырь. Тамъ проживали тогда бывшій митрополитъ Іоасафъ, бывшій епископъ Ростовскій Алексѣй и еще нѣкоторые духовныя лица. Имъ было предложено дать свое заключеніе по вопросамъ, затронутымъ на соборѣ.

Мы знаемъ, что, между прочимъ, вопросъ о монастырскихъ земляхъ былъ первоначально снятъ съ очереди, а затѣмъ опять поставленъ на обсужденіе. Вполнѣ возможно, что извѣстное намъ рѣшеніе его было принято соборомъ въ зависимости отъ указаній изъ Троицкаго монастыря. Однако, какъ Іоасафъ, такъ и его единомышленники являлись опальными сановниками Церкви и признанными сторонниками Нила Сорскаго. Привлечь ихъ къ участию въ трудахъ собора могла лишь верховная власть, стоявшая выше и внѣ этого совѣщанія. Среди духовенства, вернувшагося изъ Троицы съ заключеніями Іоасафа упоминается, между прочимъ, Сильвестръ. Конечно, онъ никогда не рѣшился бы поддерживать подобныя мнѣнія за свой собственный страхъ. Даже сомнительно, чтобы онъ пожелалъ въ этомъ дѣлѣ быть заодно съ извѣстными намъ Заволжскими старцами. Правда, что на его Домостроѣ лежитъ печать грубоватаго аскетизма. Но тѣмъ же самымъ отличались и осифляне. Таковъ былъ духъ самой господствующей Церкви. Къ тому матеріалу, который легъ въ основаніе работъ собора 1551 года, нѣкоторыя относили извѣстное посланіе, написанное Ивану благовѣщенскимъ протопопомъ. Но, прежде всего, какъ сказано, авторство Сильвестра здѣсь весьма сомнительно. Далѣе, изъ вопросовъ этого посланія соборъ затронулъ лишь одинъ, именно, ношеніе мірянами бороды. Этотъ вопросъ былъ связанъ у Сильвестра съ борьбою противъ содомскаго грѣха, который, повидимому, особенно занималъ автора Домостроя. Однако, на той же точкѣ зрѣнія, обычно, стояли и всѣ моралисты извѣстнаго направленія. Они были убѣждены, что, уподобляясь женщинамъ, безбородые люди легче могутъ возбуждать порочныя желанія.

При всей своей молодости, и по уму своему, и по образованію Иванъ IV стоялъ на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ развитія. Замѣтимъ, что вопросы, предложенные на обсужденіе собора, были не только внесены отъ имени царя, но отчасти, и написаны его собственной рукою. Сравнивая ихъ съ позднѣйшими литературными произведеніями царственнаго писателя, мы ясно видимъ въ нихъ отпечатокъ его своеобразной личности. Передъ нами не только мысли, но и самая рѣчь, и стиль Ивана Грознаго. Это стиль порывистый и рѣзкій, язвительный, ѣдкій и колкій. Здѣсь—нѣтъ ничего похожего на Сильвестра, этого убогаго писателя и ничтожнаго мыслителя. Иногда разсужденіе касается богослужебныхъ вопросовъ. Въ этой области, естественно, Макарій могъ и долженъ былъ руководить Иваномъ.

Но и тутъ молодой государь неизмѣнно обнаруживаетъ весьма обширныя познанія.

Добавимъ ко всему, что изученіе Стоглава началось, собственно, еще совсѣмъ недавно. При этомъ самый текстъ памятника былъ недостаточно полнымъ и подавалъ поводъ къ многимъ недоразумѣніямъ. Съ 1667 года Стоглавъ находился подъ запретомъ какъ еретическое произведеніе; благодаря этому, болѣе 2-хъ столѣтій онъ былъ недоступенъ для любознательности историковъ. Повидимому, на Макарія приходится возложить главную отвѣтственность за относительную неудачу реформы 1551 г. Надо думать, что онъ былъ главнымъ виновникомъ того противоѣдствія, которое оказалъ соборъ—какъ преобразовательнымъ идеямъ сторонниковъ Нила Сорскаго, такъ и реформаторскимъ порывамъ молодого государя.

Правда, что митрополитъ былъ самъ сторонникомъ реформы. Но онъ понималъ ее въ совершенно обратномъ направленіи. Отвергая всякія требованія прогресса, онъ видѣлъ спасеніе лишь въ одномъ—именно, въ покаянномъ возвращеніи къ прошлому, въ воскрешеніи его забытыхъ или нарушенныхъ преданій. Иначе говоря—онъ стремился къ идеаламъ первобытнаго христіанства, которое, впрочемъ, понималъ совершенно произвольно. Макарій хотѣлъ возстановить древнее благочестіе, выражающееся въ мелочномъ соблюденіи всевозможныхъ обрядностей. Онъ мечталъ о строго іерархической Церкви, состоящей, своего рода, аристократію и непрерывно умножающей богатства, посылаемая ей Богомъ. Онъ желалъ союза этой Церкви съ государствомъ на основаніяхъ обоюдной поддержки. Наконецъ, онъ былъ сторонникомъ безошаднаго искорененія всякой ереси: что касается школьнаго образованія, то къ нему онъ относился безусловно отрицательно. Таковы были идеалы Макарія. Что касается заключеній Іоасафа, то, конечно, по собственному почину, соборъ не запросилъ бы ихъ и, тѣмъ болѣе, не принялъ бы ихъ къ руководству. Для этого нужна была всемогущая воля, одна способная бросить большинству собора подобный вызовъ. Особыя мнѣнія Іоасафа были включены въ Стоглавъ и такимъ образомъ естественно подавали поводъ къ недоразумѣніямъ. Нѣкоторые предполагали, что соборъ присоединился къ нимъ и, слѣдовательно, принялъ въ нѣкоторомъ родѣ программу нестяжателей. На самомъ дѣлѣ, передъ нами—лишь частичная капитуляція собора. Честь этой побѣды, несомнѣнно, принадлежитъ самому Ивану.

Конечно, сама по себѣ, то была скромная побѣда. Значеніе ея было еще ослаблено въ послѣдствіи всяческими усиліями побѣжденной стороны. Кое-гдѣ, по мѣстамъ, рѣшенія собора 1551 года долго оставались никому неизвѣстными. Сама господствующая Церковь старалась помѣшать ихъ практическому осуществленію. Въ 1554 году былъ созванъ новый соборъ для сужденія о ереси Матвѣя Башкина и его послѣдователей. Здѣсь Церковь вознаградила себя за понесенное ею пораженіе. Это достигнуто было тѣмъ, что въ дѣло Башкина были намѣренно припутаны самые выдающіеся сторонники коренныхъ преобразованій Церкви. Этого мало: вскорѣ консервативное духовенство, затронутое или угрожаемое въ самыхъ чувствительныхъ своихъ интересахъ, заключило союзъ съ другими недовольными элементами. Мы увидимъ, что, проводя свою преобразовательную программу, Иванъ естественно объединялъ противъ себя всѣ оппозиціонныя силы общества. Тогда, не различая религіозныхъ интересовъ отъ политическихъ, Грозный началъ противъ той и другой стороны самую беспощадную борьбу. Изъ этой борьбы онъ вышелъ, правда, побѣдителемъ. Но зато его имя и память донинѣ вызываютъ въ потомствѣ содроганіе ужаса.

Итакъ, религіозная реформа оказалась неудачной. Съ тѣмъ большею рѣшительностью приступилъ Иванъ къ государственнымъ преобразованіямъ. Но здѣсь—уже начался терроръ.

Впрочемъ, еще до того Ивану предстояло рѣшить нѣкоторыя важныя задачи. Какъ и при его предшественникахъ, мужаящая держава Московская непрерывно расширялась. Этотъ ростъ призывалъ Ивана на границы государства. Законодатель неизбѣжно долженъ былъ стать завоевателемъ *).

*) Для исторіи судебныхъ и административныхъ реформъ Ивана IV см. *Дмитріевъ*, Сочиненія, I, 47 сл.; *Милуковъ*, Очерки, III, 67 сл.; *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, 1868, 89 сл.; *Maciejowski*, Historia prawodawstw Sławianskien, IV, стр. 43—44; *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, 68 сл.; *Ключевскій*, О составѣ представительства,

Р. М., 1890. — О преобразовательныхъ теченіяхъ эпохи см. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, III, 181 сл. — Посланіе Ивашки Пересвѣтова, откуда *Карамзинъ* приводитъ всего нѣсколько мѣстъ въ IX томѣ своей Исторіи пр. 849, недавно было издано въ Москвѣ (1901 г.) по рукописи, принадлежащей П. И. *Щукину*. Одновременно была установлена дата этого посланія (1549). — О законодательствѣ 1550 года: *Блѣевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 1888, 411—430; *Латкинъ*, Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, 1890; *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія по исторіи русскаго права, 1887. — О реформѣ службы: *Павловъ-Сильванскій*, Государевы служилые люди, 1898, 108 сл.; *Блѣевъ*, О сторожевой службѣ на польской окраинѣ, 1848, 4 сл.; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VII, гл. 1. — О Стоглавомъ соборѣ: *Ждановъ*, Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, Ж. М. Н. Пр., 1876; *Лебедевъ*, Стоглавый соборъ, М., 1882; *Заустинскій*, Митрооплитъ Макарій, Ж. М. Н. Пр., 1881; *Милуковъ*, Очерки, III, 60; *Ключевскій*, Боярская Дума, М. 1883, 445; *Макарій*, Исторія Русской Церкви, С.-Пб., VI, 229; *Латкинъ*, о. с.; *Соловьевъ*, О. с. VII, гл. о; возраженія Соловьеву см. въ Русской Бесѣдѣ, 1858; *Пытинъ*, Исторія русск. литер., Спб. 1898, II, 198 сл. — Существуетъ три главныхъ редакціи Стоглава. Первая, такъ называемая, пространная издана дважды — въ Лондонѣ и въ Казани. Вторая редакція представляетъ собою сокращеніе первой, произведенное, повидимому, въ XVIII вѣкѣ; издана въ Петербургѣ въ 1868 году Кожанчиковымъ. Третья, такъ называемая, краткая, сохранилась въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ изданъ Качаловымъ.